

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Б. И. Максимов

Социализация производства как критерий его развития

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Maksimov_soz.pdf

Перепечатка с сайта Социологического
института РАН <http://www.si.ras.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА КАК КРИТЕРИЙ ЕГО РАЗВИТИЯ

В статье будут рассмотрены функции и задачи социологии в современном мире и используемые ею методологические подходы. Также я буду обращаться к таким произведениям В. Голофаства, как «Разновидности экономики и экономизм», 2002 г., «Глобализация и место морали», 2004 г. и «Мегамшины и повседневность», 2005 г.

В этой статье я хотел бы представить подход, который кажется мне адекватным сегодняшнему времени и который намереваюсь использовать в качестве методологического при проведении исследований.

Речь идет о подходе, изложенном в публикации в «Телескопе» профессором из СПб. ГУ В. Фетисовым. Он, рассматривая различные интерпретации (теории) исторического развития обществ, вводит свою, синтезирующую существующие подходы концепцию, и называемую им социализацией общественной жизни¹. Под социализацией он понимает не известный процесс усвоения (индивидом) норм и ценностей, а «направленность различных сфер и общества в целом на сохранение, воспроизводство и развитие составляющих его индивидов и слоев», на «социальную жизнь», понятие которой автор вводит в другой публикации². Можно подметить, что «социализация» перекликается с понятием социального развития, социальной политики (в более узком смысле). В социальном развитии и социальной политике тоже идет речь о направленности на удовлетворение потребностей людей, создании условий для развития личности.

Подчеркивается, что речь идет об объективной необходимости, своего рода категорическом императиве, игнорирование которого ведет к кризисам. Без сохранения и воспроизводства населения бессмысленно и более того — кощунственно говорить о развитии общества. Социализация как процесс на определенном этапе приводит к качественным изменениям общества. Социальная жизнь начинает доминировать; экономика превращается в социально ориентированную, государство становится социальным, сфера услуг, системы образования, здравоохранения и т. д. — доступнее для широких слоев населения. В новых условиях критерии социальной жизни превращаются в критерии развития общества в целом и в т. ч. интересующего автора производства, социально-трудовой сферы. Они выражаются, в частности, в интегральном ИРЧП (индексе развития человеческого потенциала), отражающем, в отличие от ВВП, именно подход «от человека», нацеленность на социальную жизнь. Другой индекс процесса социализации — становление индивидов и групп субъектами сознательной, целенаправленной деятельности³. В производстве субъектность выражается, прежде всего, в форме участия в управлении (собственников, работо-

¹ Фетисов В. Октябрь, социализм и современность // Телескоп, 2007, № 5. С. 15–20.

² Фетисов В. Я. Социальная жизнь как предмет исследования социологии // СОЦИС, 2007, № 6. С. 28–38.

³ Фетисов В. Октябрь, социализм и современность. С. 15–17.

дателей, наемных работников). В. Фетисов упоминает также критерий устойчивого развития общества, под которым понимается развитие, удовлетворение потребности в настоящее время, не ставя под угрозу способность (возможность) будущих поколений жить достойно¹. Можно отметить, что в СМИ сообщается о применении в мировых сравнениях еще одного индекса подобного характера — удовлетворенности людей жизнью в целом.

Не пересказывая всю концепцию В. Фетисова, отмечу главное для меня: оно состоит именно в том, что дается критерий общественного развития, при этом — важно — объективный, не просто идеалистическая (идеальная), идеологическая цель, например, гуманизация труда, а такой, игнорирование которого приводит в конце концов к крушению общественной системы, по крайней мере — к невозвратным потерям. В недавнее время, например, А. Солженицын в одной из телепередач говорил о «сбережении народа», как главной национальной идее, задаче властей. Но это был прекрасный гуманистический призыв, не провозглашение объективной закономерности, пренебрежение которой не просто негуманно — смертельно для самой власти и политического режима.

Необходимость, потребность в таком критерии ощущаю давно, по крайней мере, в своей работе. Очевидно, недостаточно просто исследовать процессы трансформаций, например, в социально-трудоустройственной сфере в условиях перехода к рыночной экономике, надо как-то оценить их, определить, к каким конкретно результатам приводят прогрессивные в принципе (по замыслам) преобразования. Но с какой точки зрения оценивать: развитие экономики как таковой? Усиления государства? Реализации интересов элитарных слоев или наемных работников? В каких индексах можно выразить критерий? Например, я показываю сокращение рабочих кадров в 1990-е как огромную растрату человеческих ресурсов, но в то же время существует представление о необходимости и даже полезности армии безработных.

Я хотел бы актуализировать, заострить вопрос об оценивающей функции социологии. Если уж она на практике не участвует прямо в преобразованиях и даже не дает рекомендаций, по крайней мере, академическая наука, ориентирующаяся на фундаментальные исследования, «презирает» выход в производство, то могла хотя бы давать свою оценку тем изменениям, которые она выявляет в результате исследований (например, не просто нейтрально сообщать о чрезвычайно высокой социальной дифференциации в постсоциалистической России, но и показывать значение, последствия этого процесса; как бы, сказав «а», говорить и «б»). При этом не просто пугать опасностью высокой дифференциации, как делают СМИ, политики, а конкретно показывать следствия дифференциации посредством социологического анализа. При необходимости критериального подхода, в то же время практически отсутствуют специальные критериальные концепции «посткоммунистических» российских трансформаций, по крайней мере, по обзору концепций, данному В. А. Ядовым².

¹ Фетисов В. Октябрь, социализм и современность. С. 15–17.

² Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций. СПб.: Интерсоцис, 2006.

Существующие концепции позволяют объяснять изменения, в т. ч. их механизмы, но не давать им принципиальную оценку (оценить). Оценочные моменты, разумеется, присутствуют почти в любом тексте, но не как специальные, системные, явные, обоснованные, категориальные.

При таком (критериальном) подходе процесс исследования состоит не только в выявлении того, что происходит и как происходит, какие изменения (трансформации) имеют место, но и оценивании изменений, их хода, результатов с точки зрения процесса социализации. В предмет исследования включается анализ именно влияния изменений на социализацию; возможны даже специальные исследования в таком плане.

Если следовать логике концепции В. Фетисова, можно выделить следующие направления (аспекты) анализа (исследований).

Процесс социализации экономики. Здесь важно выявление движения в сторону увеличения удельного веса третьего сектора — сферы услуг. Тенденция в современном мире такова, что в большинстве стран увеличиваются объемы этой сферы и доли в ВВП (на основании чего современную экономику и называют сервисной или экономикой услуг). Уровень развития страны определяют, в частности, по удельному весу работников, занятых именно в данной сфере. Другой показатель социализации экономики — баланс между добывающими и обрабатывающими отраслями, диверсификация производства. Проблемы изменения его структуры в пользу обрабатывающих отраслей остро стоят в российском обществе. В. Фетисов упоминает также конверсию производства (экономики, промышленности). Противоположные социализации процессы — экономизация, милитаризация, идеологизация и т. п.¹

Все это может быть предметом анализа с точки зрения процессов социализации. В частности, в настоящее время актуален вопрос идеологизации экономики, с которой (идеологизацией) боролись при проведении рыночных реформ. Из одной идеологизации ударились в другую, можно сказать, в другую крайность.

Рассматривая социализацию экономики, невозможно не принять во внимание такой критерий, как человеческие условия для работников в процессе самого труда на производстве: условия труда, его режим, интенсивность, безопасность, разнообразие, квалифицированность, и среди них — становление работников субъектами сознательной деятельности по организации труда, что раньше называлось социальным развитием в рамках производственных организаций, а сейчас — предоставлением социального пакета, социальной ответственностью бизнеса, патерналистской деятельностью (со стороны работодателей). Если даже результаты труда высоки (например, в виде роста заработной платы для работников), но за эти результаты приходится платить переработками, повышенной интенсивностью труда, ущербом для здоровья — вряд ли в этом случае можно говорить о социализации производства.

Далее в статье В. Фетисова говорится о процессах перераспределения совокупного национального дохода, необходимых для сохранения, воспроизводства и развития большинства населения. Несмотря на важное значение этих процессов, неясно пока, могут ли они быть предметом социологического исследования. На уровне и в

¹ Фетисов В. Октябрь, социализм и современность. С. 18.

рамках социально-трудовой сферы речь, вероятно, может идти о различного рода компенсациях, гарантиях, льготах работников в форме доплат, дополнительных отпусков, гарантий сохранения рабочего места и т. п.

Следующий блок на схеме Фетисова как возможный предмет анализа социолога, это развитие индивидов и общностей не только в качестве объектов, но и относительно самостоятельных субъектов целенаправленной деятельности. Чем выше такое развитие, тем значительнее влияние субъектов и на изменения отдельных сфер, и на систему перераспределения совокупного национального дохода на уровне производства, социально-трудовой сферы. Речь, очевидно, идет о субъектности в трудовой деятельности на рабочем месте, в подразделении производственной организации, о субъектности в форме участия в управлении, о субъектности в трудовых отношениях. Важно подчеркнуть, что имеется в виду субъектность, участие в управлении не только с точки зрения экономической эффективности, как при традиционном рассмотрении, но и в плане социализации, т. е., уточняя до предела — о субъектности, которая может и не давать производственного эффекта, лишь приносит удовлетворение работникам, дает реализацию их личностного потенциала.

Далее автор данного подхода обозначает направление анализа, состоящего в рассмотрении различных процессов с точки зрения социализации разных общественных систем, капитализма и социализма в первую очередь. Капиталистическому строю присущи процессы социализации, в значительной степени — под влиянием социализма (как доктрины и как реального общественного устройства). Социализму, в свою очередь, присущи проявления (процессы) капитализации. Однако и капитализм и социализм продемонстрировали односторонность с точки зрения социальной жизни (обусловленную в случае с социализмом внешними условиями, конкретными историческими обстоятельствами, в т.ч. субъективными факторами).

На уровне производства, социально-трудовой сферы данное направление анализа может состоять в сопоставлении образцов построения рыночной (капиталистической) и плановой (социалистической) организации труда, трудовых отношений, выявлении процессов капитализации и социализации в той и другой модели, в оценивании процессов независимо от общей оценки строя. Историческое развитие дает конкретные примеры существования капитализации и социализации в рамках того и другого строя, той и другой экономики, примеры сочетания процессов. «Хотя XX век прошел под знаком противостояния капитализма и социализма, но ни тот, ни другой уже не могли пребывать в своем «чистом» виде. Каждый из них пытался «встроить» чуждые им элементы элементы и механизмы с тем, чтобы сохранить себя»¹. Примеры — политика Рузвельта, Эрхарда, стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки; примеры капитализации — рейганомика, тетчеризм, российские реформы. Здесь важен поиск баланса между процессами, ибо абсолютизация капитализации или социализации ведет к возрастанию социальной напряженности или экономическому застою. Автор подчеркивает необходимость большего поворота (обращения) социо-

¹ Там же, с. 19.

логии к опыту социализма, ориентированного все же, в принципе, по своей сути, на социализацию общественной жизни и многое сделавшего в этом отношении¹.

Отдельным аспектом исследования является построение системы индексов (показателей), выражающих критерий социализации. Представляется, что их должно быть несколько уровней и видов в силу разнородности процессов социализации в масштабах всего общества, сферы производства, в рамках отдельной производственной организации, относительно различных социальных групп и т. д. В. Фетисов дает наброски и в этом направлении, называя несколько показателей, правда, не структурированных по возможным уровням. С учетом их можно, вероятно, выделить такие уровни и показатели. На уровне общества (страны) — названный ИРЧП (для международных сравнений и употребления внутри страны), дополненный показателями социальной дифференциации по доходам, занятости населения, криминализации, экспертными оценками свободы социальной мобильности, наличия добровольно разделяемых большинством населения общих норм, ценностей и целей (в т. ч. степень сформированности аналога национальной идеи), способности общества осуществлять реальный контроль по отношению к деструктивным элементам.

Применительно к сфере производства, социально-трудовой сфере — это соотношение работающих в добывающих, обрабатывающих отраслях, сфере услуг, доля оплаты труда в себестоимости продукции (издержках производства), уровень безработицы, число коллективных и индивидуальных трудовых споров, забастовок, степень квалифицированности труда, способность трех сторон вести переговоры в целях цивилизованного разрешения возникающих конфликтов. На уровне социально-профессиональных групп показателями могут быть размер дохода по покупательной способности, соотношение доходов с прожиточным минимумом и другими индексами уровня жизни, обеспеченность жильем, предметами длительного пользования, стабильность работы, реализация карьеры, участие в управлении. На уровне индивидов — показатели удовлетворенности положением, степени удовлетворения потребностей («хватает только на жизнь» или «можем купить необходимое»), степени реализации способностей, самочувствия в коллективе (реализация потребности в общении). Наряду с ИРЧП должен, очевидно, существовать ИРЛП — индекс развития личностного потенциала, суммирующий показатели «на уровне индивидов». Возможно, этот индекс должен быть базовым, ибо без показателя развития, самочувствия личности другие индексы теряют смысл (например, в советской России шли в гору показатели развития общества в целом, особенно по части производства, экономики, но уровень личной жизни людей имел другую траекторию).

Вопрос показателей требует проработки, и сам может быть предметом исследования, т. е. поиска инструментов измерения, конструируемых в ходе самого исследования, специального отдельного анализа.

Попробуем теперь соотнести приведенные положения со взглядами В. Голофафа, высказанными в его публикациях. В статье о разновидностях экономики и экономизме он, пожалуй, более всего касается рассматриваемой проблематики. Прежде всего, он

¹ Там же, с. 20.

констатирует доминирование прибыли в мире экономики, чрезмерный крен в сторону капитализации. Все, что не приносит прибыли, отбрасывается в сторону. С экономической точки зрения любая деятельность, не приносящая прибыли, дисквалифицируется, вытесняется из расчета как неприбыльная, затратная, бездоходная. Дух экономизма, господствующий в экономике прибыли, колонизирует значительные пространства социальной жизни: он господствует и в процессах глобализации¹. Но, говорит Голофаст, это не единственно возможная и не наилучшая экономика, хотя ее адепты делают все возможное, чтобы выставить ее таковой. В российской социальной науке экономические понятия превратились в иконы. Создается впечатление, что исследователи смотрят на них как под гипнозом. Социальная наука оказалась в плену некритического экономизма. В то же время существуют экономики выживания, неформальная моральная экономика, семейный бизнес, построенный на самоэксплуатации и эксплуатации близких (добровольной с их стороны), экономика дара и репутации и др. Доминирование экономики прибыли, духа экономизма, колонизация всех социальных институтов, попытка связать все области жизни с виртуальными спекуляциями, с торговлей, с денежными суррогатами, от которых зависят все инвестиции, все денежные сбережения, накопленные блага — сопоставимо с процессами капитализации, доминирования капитализации по Фетисову. В. Голофаст красочно рисует последствия господства экономизма, и тем самым фактически дает оценку доминированию экономики прибыли (хотя и не производит оценочные слова как таковые). Человеку отводится роль «клиента», в т. ч. в производственной среде. Хотя экономика остается корпоративной, никто более не требует от работника включенности, лояльности компании, длительного срока службы, даже дисциплины и качества. Романтический период, когда от рядовых работников ожидали компетентной включенности в обновляемые технологии и совершенствование схем управления, не говоря о выборе целей развития, далеко позади даже в странах, где эти тенденции впервые зародились. Требования к персоналу снижаются². Фактически это редукция процесса становления индивидов и социальных групп в качестве субъектов сознательной, целенаправленной деятельности. Хотя для массового работника процессы совершаются под идеологическим лозунгом индивидуализации, но фактически это лишь видимость индивидуализации. «Это в девятнадцатом веке считали, что каждый заметный человек должен проявить свой талант, развить его и предъявить обществу», стать индивидуальностью. Видимость же индивидуальности не нуждается в предъявлении, в оценке коллективным или общественным мнением³. С экономизмом связано бессилие человека в повседневности. Там, где ранее (в традиционном обществе) он мог опереться на общественную поддержку, сочувствие или внимание, он сталкивается с безразличием, равнодушием, а то и враждебностью. Яркой иллюстрацией может служить то, что в нецивилизованных странах богатые вынуждены жить в закрытых, обнесенных бетонными стенами зонах, с колючей проволокой наверху, по которой пропускается электрический ток, под защитой частных вооруженных охранников. Аналоги крепостной организа-

¹ Голофаст В. Разновидности экономики и экономизм // Телескоп, 2002, № 6. С. 2,3,6.

² Там же, с. 5.

³ Там же, с. 5.

ции коллективной жизни имеются в Москве, Петербурге, стремительно размножаются в российской провинции¹. Директор пивзавода им. Степана Разина, имеющий крепость в Юкках (просто коттеджем, особняком уже не назовешь территорию в полкилометра шириной и длиной, за трехметровым забором и, действительно, с колючкой наверху, с патрулирующими по периметру охранниками с собаками), на работу (в город) и обратно перемещается на вертолете в целях не только скорости, но и безопасности. Несчастливым богатым можно даже посочувствовать: ведь и в вертолет ничего не стоит заложить мину, и бетонную стену можно взорвать, хотя сочувствие скорее вызывают живущие по эту сторону стен анклавов, в мире «криминальной агрессии, простого выживания, экологических кризисов, юридической незащитности, социального безразличия и политического цинизма...». «...Политические различия между управляющими и управляемыми многократно усиливаются фантастическими экономическими различиями». В таких условиях привычная фразеология неолиберализма и демократии превращается в насмешку, и все, «нормализующие» эти формы лозунги теряют престиж и смысл»².

В то же время в Европе (В. Голофаст полагает в XIX—XX веках) процессам капитализации противостояли силы, которые можно назвать силами социализации. Это традиционное устройство подсистем общества — университетов, церкви, искусства, науки, судебной системы, партийных выборов и т. п. Внутренние силы консолидации масштабных развитых институтов переживают не только кризисы в обществе, но и сохраняют свои структурные характеристики на протяжении целых эпох. «Они... обладают собственной регенеративной силой, восстанавливают традиционный облик, опираясь как на внутренние резервы, так и на связи с другими институтами»³. Я бы добавил — базируясь на необходимости социализации и не только опираясь на другие институты, но и влияя на них. Основная база социализации состоит в том, что содержание общественной жизни переполнено деятельностью, действиями, событиями, не приносящими прибыль; можно вполне сказать, что она именно из них и состоит. Любую такую деятельность можно попытаться оценить с точки зрения затрат, но даже такая простейшая экономическая операция не всегда осуществима (В. Голофаст).

Проблематика капитализации-социализации проглядывает и в статье В. Голофаста «Глобализация и место морали». Глобализация является одним из агентов капитализации, экономизма, она действует разрушительно на институты традиционного, индустриального и постиндустриального общества, на мораль, повседневность (и не только на грамотность, продолжительность жизни, структуру доходов — основные показатели процессов социализации). Экономизм выступает и в форме коммерциализации общественных отношений, в универсальном распространении систем слежения, учета и контроля даже над теми действиями, которые не имеют коммерческого значения. Индивид не властен над этими силами. Функциональность глобальных контекстов не оставляет места для морали. Даже самые «сильные» формы «социальной самореализации» человека — его занятость, профессиональная жизнь —

¹ Там же, с. 4.

² Там же, с. 5, 6.

³ Там же, с. 4.

оказываются под угрозой. Неустойчивость и гибкость коммерческих систем подрывают глубину перспективы в этом секторе индивидуальной жизни, фрагментируют ее, подрывают тем самым ее ценность для человека как поля долговременных замыслов, стреленный, проектов и стратегий¹.

Особое внимание В. Голофаст уделяет существованию и функционированию локальности, упомянутой повседневности, которая остается приоритетной сферой воспроизводства человека как человека, повседневности как основного массива жизни. Повседневность тоже подвергается воздействию не только глобализации, капитализации, экономизации, но и других сил (например, современной бюрократии), что усложняет проблему социализации. Локальность пронизана силами глобализации, и все же она остается «преимущественной сферой действия личных отношений, даже если отношения и имеют поверхностный характер контактов между малознакомыми или совсем неизвестными людьми. Локальный контекст держится на сложившихся формах организации и на постоянно возникающей, возобновляемой обиходом или действительно новой самоорганизации. Локальность — это постоянство устойчивой солидарности, взаимного понимания и гарантированного удовлетворения коллективных интересов, потребностей или стремлений. Локальность — исходная и конечная область социального, где жизненный процесс реализуется в синтезе»².

Что касается повседневности, то ее культурный статус придавлен, принижен, обесценен господствующими иерархиями власти, сверхбольших денег. Повседневность предстает опустошенной, лишенной основных сил, которые движут вперед современный мир. В повседневности оставлено немного от таких сил — науки, технологии, экономики, политики. Повседневность может быть и социализированной, но пустой, скучной. «Если основные страсти жизни — открытие, свершение, достижение, осмысленное созерцание, наслаждение, стремление, страдание, напряженное усилие, игра с собой и другими — покидают повседневность, изгоняются из нее, перестают цениться окружающими в самом их процессе и месте, не требуют духовных и физических сил, эмоций и ресурсов, если повседневность дегероизируется, опрощается, аккуратно упакованная, превращается только в денежный предмет потребления, она и раскрывается человеку как пустота жизни, дезориентация и проклятие — бессмыслица времени³. Теоретики обыденной жизни отмечают, что ее обесценивание произошло под влиянием современного формального образования, технократического роста роли экспертов в экономике, политике и государстве. Эти силы приводят к подмене действительной полноты жизни, ее многокрасочности и полиморфности перемолотыми коммерческой властью и бюрократическими требованиями суррогатами. «На место духовной культуры общества и специализированных знаний экспертов приходит бульварная литература, уличный жаргон, анекдоты, возделывание огороδικов, соседская взаимопомощь, самообразование и все другие воплощения принципа «сделай сам»⁴.

¹ Голофаст В. Глобализация и место морали // Телескоп, 2004, № 2. С. 2,9.

² Там же. С. 2, 7.

³ Голофаст В. Мегамшины и повседневность // Телескоп, 2005, № 1. С. 52.

⁴ Там же.

Все это показывает, насколько сложны процессы социализации в данных сферах. Что можно уже сейчас, до проведения специальных исследований, сказать о процессах социализации существующего производства, строя, об оценке реформенных преобразований? В. Фетисов отмечает, что «Современное российское общество по основным параметрам движется по капиталистическому руслу (т. е. доминирует капитализация — Б. М.). Об этом свидетельствует курс проводимых экономических реформ, ориентированных на обеспечение главным образом интересов незначительного меньшинства — крупных собственников, олигархов, определенной части чиновников; расслоение общества, доведение до социальной поляризации; структура общественного производства, подчиненная интересам меньшинства; резкое сокращение населения страны, его физическая и духовная деградация, экономизация всей общественной жизни, небывалый размах преступности, явное доминирование дезинтеграции над интеграцией, неоправданная открытость в пользу других государств и международных организаций... Но подобный вектор развития уже показал свою историческую несостоятельность»¹. В сфере производства приходилось отмечать растрату человеческих ресурсов, деградацию корпуса рабочих кадров, трудно-разрешимую проблему их дефицита, чрезмерную социальную дифференциацию социально-профессиональных групп, влекущую отчуждение наемных работников, разрушение солидарности в корпоративном по характеру процессе труда, ухудшение условий труда, снижение в целом качества работников при возрастающих профессионально-квалификационных, морально-культурных требованиях к ним и т. п. В предперестроечный период советской власти говорили о явлении люмпенизации наемных работников. Чертами люмпенизации называли снижение требований, избегание ответственности, безынициативность и т. п. По В. И. Герчикову, бывшему приверженцем явления люмпенизации, доля люмпенизированных рабочих доходила до 50—60%². В значительной мере эти черты сохранились или даже усилились, к ним добавились некоторые новые. Так, ухудшилось положение рабочих, катастрофически упал их социальный престиж, снизился уровень квалификации, усилилось отчуждение и самоотчуждение, деидеологизация жизни, труда и т. п., дистанцирование от «начальства»; доминирует неуверенность в своем положении, страх перед гонениями, «чемоданное настроение», отсутствие ориентации на будущее, неповышение квалификации, культуры труда в целом..., все это сопряжено со стремлением «урвать свой кусок», «заставить делиться». По аналогии с люмпенизацией, это новое явление можно назвать метким словом «пофигизм», а самих рабочих — «пофигистами». Существенный момент состоит в том, что явление выражается как в реальных действиях (как бы объективно, объективируется), так и в субъективных ориентациях, настрое в целом, в т. ч. в формулировках, употребляемых рабочими. Выражение «а нам все пофиг» распространено в среде рабочих. Данных о том, каков удельный вес «по-

¹ Фетисов В. Октябрь, социализм и современность. С. 20.

² Герчиков В. И. Люмпенизация работника — тормоз на пути перехода к рынку: постановка проблемы // Социология труда в новых условиях. Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 1993.

фигурных» рабочих, пока нет; представляется, что они составляют явно более 50%. Парадоксальность явления состоит в том, что оно проявляется на фоне как раз возрастающих требований к качеству работников, в т. ч. и особенно по части привлекенности к труду, предприятия, современным инновационным процессам. «Способствует» такой позиции и отношение к рабочим со стороны работодателей как к безликой рабочей силе, не более. Ситуация усугубляется тем, что глубина противоречия слабо осознается, рефлексивируется общественным сознанием и, соответственно, отсутствием серьезных мер преодоления этого противоречия, использованием компенсационных механизмов типа импорта рабочей силы за счет так называемых «гастарбайтеров», посредством которых инновационное развитие производства не осуществить.

Все это еще раз подчеркивает настоятельную необходимость оценивающей функции социологии, закладывание критерия социализации во всякое социологическое исследование. При этом, как отмечает В. Фетисов, в XXI веке уже недостаточно простого сочетания процессов капитализации и социализации; «проблема состоит в том, чтобы осуществить синтез (подчеркнуто мной — *Б. М.*) процессов сохранения и развития, отвечающий требованиям социальной жизни и придающий обществу новое качество». Отсюда, «первоочередная задача социологии вместе с другими науками», дать не только оценку происходящим изменениям, но и теоретическое обеспечение названного выше синтеза¹.

Итак, социализация объективно необходима, ее ход нуждается в научном социологическом оценивании. Но позволительно поставить вопрос, кто или что может являться движущей силой, агентом реализации данных процессов? Это надо понимать, хотя бы для того, чтобы знать, кому адресовать результаты социологического анализа с точки зрения оценивающего критерия, конкретные разработки по обеспечению названного синтеза. Без движущих сил, заложенных в процессы, прекрасные рекомендации, скорее всего, останутся благими пожеланиями. Автор социализационного подхода полагает нужным предъявлять «конкретные требования ко всем социальным субъектам и, прежде всего — к руководству страны, политической элите в целом»². Какой-то особый субъект, допустим, социальный слой, в наибольшей или наименьшей степени вкушающий плоды реформенных преобразований, не называется. Подтверждение или опровержение этого положения может, очевидно, дать современный специальный анализ. Стоит только заметить, что движущие силы (субъекты) социализации определяются, видимо, характером самих имеющих место процессов (например, для защиты интересов рабочих в трудовых отношениях скорей всего важна социальная активность самих рабочих).

¹ Фетисов В. Октябрь, социализм и современность. С. 20.

² Там же. С. 20.